

Неафишируемый фронт

Окончание. Начало в № 8

В предыдущем номере журнала «Пограничник» была опубликована первая часть очерка о ветеране внешней разведки Олеге Нечипоренко, который многие годы своей жизни отдал беззаветному служению Родине. В профессию он пришёл, имея перед собой пример отца. Школьные годы и юность провёл, мечтая о работе в органах государственной безопасности. Учился, готовился и, несмотря ни на что, добился своего...

Лауреат второй премии в номинации «Художественная литература и журналистика» на торжественной церемонии конкурса на лучшие произведения литературы и искусства о деятельности органов федеральной службы безопасности. Москва. 2016 год

К земле ацтеков, минуя Кубу

В Первом Главном управлении КГБ СССР Олега Максимовича Нечипоренко определили на должность оперуполномоченного отдела США и Канады, курировавшего нью-йоркскую резидентуру. За ним сразу же закрепили одного из её зарубежных сотрудников, и Олег стал связующим звеном в цепи «разведчик—Центр—разведчик». Подготовки в стенах профильного учебного заведения у него не было, поэтому пришлось изучать материалы оперативных дел и обращаться за помощью к опытным коллегам, чтобы как можно быстрее войти в курс новой службы.

Возглавлявший в тот период отдел полковник Борис Семёнович Иванов — высококлассный профессионал, который впоследствии долгие годы занимал должность 1-го заместителя начальника ПГУ КГБ СССР, — дал указание новичку вести повседневную работу так, чтобы быть готовым заменить коллегу

в Нью-Йорке. Но осуществиться его планам оказалось не суждено. В связи с непредвиденными обстоятельствами сотрудника американской резидентуры в срочном порядке переправили на родину, и он, естественно, не успел сдать дела сменщику. Вопрос о долгосрочной заграничной командировке отпал. А вскоре Нечипоренко перевели в другой отдел.

Советская внешняя разведка на протяжении многих лет действовала в Латинской Америке исключительно с нелегальных позиций: частая смена режимов не позволяла создавать резидентуры под прикрытием официальных учреждений. В случае «восхождения на престол» непредсказуемого лидера и возможного разрыва дипломатических отношений долгая, кропотливая работа могла пойти насмарку. «Легальные» резидентуры, обосновавшиеся в Уругвае, Бразилии, Аргентине и Мексике, являлись опорными пунктами для поддержания каналов связи с Центром.

В 1960 году был создан географический отдел, ответственный за политическую разведку в странах Латинской Америки. Первым её начальником стал полковник Сергей Николаевич Антонов, в недалёком прошлом непосредственный руководитель Олега Максимовича по американскому направлению. Предложение о переходе к нему бывшего подчинённого опиралось на веские аргументы. В их основе — образование, ориентированное на испаноговорящие страны. Именно с ними предполагалось строить прочные дипотношения. И вместе с тем создавать резидентуры, причём на территориях, где советских агентов не было никогда, а из ЦРУ — хоть отбавляй.

Предложение было принято. Приказ о новом назначении не заставил себя ждать. И несостоявшийся «американец» в очередной раз стал самым молодым сотрудником подразделения.

Становление отдела пришлось на год, в котором накал страстей по поводу

потери влияния США на Кубе стал возрастать. Осознание усиления угрозы национальной безопасности со стороны Острова свободы подталкивало американцев на активные действия по её нейтрализации.

Судя по поступавшей информации, для свержения режима Фиделя Кастро заокеанские спецслужбы приступили к подготовке военных формирований из числа кубинских эмигрантов. Высадку десанта при поддержке авиации и флота на побережье островного государства планировали на начало весны 1961 года.

Для разведчиков под командованием полковника Сергея Антонова настали горячие дни. Распоряжений, связанных с текущим моментом, стало, как говорится, выше крыши. Возрос темп переписки с резидентурами, обработки радиосообщений. Дни и ночи сливались в единый поток, но чувство причастности к масштабным событиям с серьёзными историческими последствиями заряжало так, что усталость отступала на периферию бытия.

Полное фиаско ЦРУ в реваншистском процессе предоставило Нечипоренко и всем, кто был задействован, возможность сбросить груз забот, передохнуть и подумать, куда направить свою не до конца растрченную энергию.

В рапорте, с которым Олег вошёл в кабинет к непосредственному начальнику, была в полной мере, как тогда казалось, обоснована просьба перевести его в Гавану «для оказания оперативной помощи кубинцам в обеспечении безопасности революции и противодействия подрывной работе агентуры противника». Разорванную пополам бумагу Антонов молча выбросил в мусорную корзину. На стремившегося в бой подчинённого шеф имел другие планы.

Не прошло и месяца, как Сергей Николаевич вызвал его и проинформировал: в Мехико для замены сотрудника резидентуры требуется специалист с контрразведывательным опытом. Кандидатура Нечипоренко всех устраивала. Слово оставалось только за ним. Оперативник дал согласие не задумываясь. К подготовке в долгосрочную загранкомандировку приступил немедленно.

Как атташе советского посольства он был обязан выполнять служебные функции в консульском отделе. Как сотрудник резидентуры — обеспечивать безопасность советских учреждений и граждан в Мексике. А для защиты разведывательной деятельности своего специфического подразделения — заниматься задачами «по проникновению в местные и американские спецслужбы, действующие против нас на мексиканской территории».

Тарас Олегович Нечипоренко на руках мировой знаменитости. Октябрь 1963 года

В середине августа 1961 года старший лейтенант КГБ СССР Олег Нечипоренко вместе с женой и дочкой, пройдя медицинское обследование на предмет проживания в жарком, влажном, а заодно и высокогорном климате, перелетев Атлантический океан, спустился с трапа самолёта на землю ацтеков...

В Москве контрразведчик получил достаточно информации, на основании которой мог судить о положении дел на далёком континенте. Мексиканские власти не вводили ограничений на передвижение по стране советских дипломатов и не прилагали усилий в работе по посольству. Их прежде всего интересовала активность собственной Компартии и организаций левого толка, созданных эмигрантами. Это способствовало решению многих задач, но вести себя следовало осмотрительно.

Особое внимание необходимо было обратить на то, как против наших граждан в странах Латинской Америки

действовало ЦРУ. В зависимости от обстоятельств оно привлекало к сотрудничеству агентов местных спецслужб, в том числе для наружного наблюдения, скрытой кино- и фотосъёмки...

Первый акт спектакля на мексиканских подмостках

Смена произошла в штатном режиме. Коллега, отбывающий в Москву, помог оформить аккредитационные документы, передать с рук на руки связи и агентов, с которыми предстояло работать. Познакомил с городом, в частности со спецификой уличного движения, тяготевшего к анархии, и дал характеристики районам с точки зрения их пригодности для оперативного использования. На следующий день после прощального коктейля новый атташе советского посольства вступил в сражение на своём участке неафишируемого фронта холодной войны.

И какими патриотическими качествами? Да потому, что когда человек только очему спецслужбы являются тем местом, где формируются люди с высо-

подписывается под воинской присягой, вся его жизнь ставится в зависимость от выполнения высоких обязанностей. Никто и никогда офицеру, поступающему на службу в разведку, контрразведку, погранвойска, не обещает материального процветания. Наоборот: человек знает, что будет жить в самых отдалённых местах, постоянно испытывать нужду и бороться с опасностями...

Николай ЛЕОНОВ, генерал-лейтенант в отставке, ветеран органов государственной безопасности, доктор исторических наук, профессор

Позади почётных гостей XIX Олимпийских игр в Мексике Германа и Тамары Титовых — бдительный «дипломат»

Официальные представительства разных стран, аккредитованные на территориях тех или иных государств, были прикрыты плотными колпаками контрразведки. Устанавливались строгие ограничения на передвижение сотрудников в стране пребывания, отслеживались их контакты с местными гражданами. К носителям секретной информации внимание было максимальным. В сфере тотального контроля со спецификой, свойственной каждой системе, в послевоенный

период преуспели СССР и его ярый противник — США.

С наступлением так называемой хрущёвской оттепели и соответственно новых веяний в политике улучшился культурный обмен и увеличился поток туристов «туда и оттуда». А стало быть, объём вербовочного контингента вырос в столь невиданном масштабе, что спецслужбам обеих сторон пришлось засучить рукава. Шефы разведки такой поворот событий восприняли с радостью. Контрразведки — с тоской...

За несколько лет до начала своей деятельности в Мехико Нечипоренко уже имел опыт работы в обеспечении безопасности своих сограждан за рубежом. Но он не шёл ни в какое сравнение с тем, что довелось испытать в период увеличившегося потока земляков на латиноамериканский континент. Спасало лишь то, что индивидуальный туризм не был частым явлением: группы счастливых, получивших возможность посмотреть на мир, формировали по профессиональному или региональному признакам. Тогда же с гастролями в Мексику зачастили ведущие творческие коллективы: «Берёзка» и Государственный ансамбль народного танца СССР под руководством Игоря Моисеева, труппы Государственного академического Большого театра СССР и Государственного академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова. Хорошо, если их маршрут пролегал напрямую. А вот если транзитом через Кубу, то количество проблем увеличивалось в разы. Один из примеров — прилёт из Гаваны группы туристов, состоящей из членов Союза писателей СССР.

Всё связанное с революционным Островом свободы чрезвычайно нервировало американцев. И появление советских граждан в стране, граничащей с США на её южном рубеже, после их визита к Кастро, дало отличный повод для пропагандистской акции типа: «Русские изучают плацдарм для расширения кубинской революции в Мексике». Пришлось срочно противодействовать.

Олег Нечипоренко: моя жизнь в конспирации

Две «звезды»

Прикоснувшись к её величеству конспирации в десятилетнем возрасте, я расстался с ней за год до шестидесятилетия. Ушёл в отставку с должности начальника кафедры «Разведывательное искусство» Краснознамённого института имени Ю. В. Андропова КГБ СССР, где, так сказать, повышал уровень оперативного состава, в том числе и сотрудников резидентур в перерывах между их зарубежными командировками. И это при том, что за всю свою сорокалетнюю службу и свыше десяти лет, если так можно выразиться, внештатной работы, мне самому пришлось учиться специальным дисциплинам лишь в течение недели и «без отрыва от производства». Это было в период работы в УКГБ по городу Москве. А тридцать лет спустя — ещё три недели на том факультете, где скоро сам стал преподавать. Все тонкости разведки я познавал на практике и в процессе самообразования.

С пятидесятих годов мы с братом шли по дороге, проложенной отцом. Мы укрепляли Советское государство как

потомственные защитники его безопасности. Судьбой нам было уготовано постигать тонкости дела у профессионалов, чьи имена написаны золотыми буквами на страницах летописи спецслужб, к которым не каждый имеет счастье прикоснуться — ещё не вышел срок давности. На своём пути нам довелось встретиться с теми, кто так или иначе служил своей стране и оставил неизгладимый след в её истории со «звёздами» огромного театра внешней разведки.

В 1957 году, просматривая американские газеты, я впервые прочитал об аресте в США «советского шпиона» по фамилии Абель. На фотографии, сопровождавшей публикацию, был запечатлён сидевший в автомобиле человек в наручниках. Помню, меня поразил его пронзительный, колющий взгляд хищной птицы, попавшей в ловушку. В начале семидесятых, когда мексиканская эпопея осталась позади, в столовой здания КГБ на Лубянке я подошёл к столику на двоих с одним свободным местом. Попросил разрешения присесть у склонившегося над тарелкой пожилого человека. Он поднял голову, и я увидел те самые глаза, которые поразили меня своим выражением на снимке в конце пятидесятих. Взгляд

В начале октября 1963 года из Москвы пришло сообщение о предстоящем визите в страну космонавтов Юрия Гагарина и Валентины Терешковой. Напряглись не только местные службы, которым надлежало обеспечивать неприкосновенность мировых знаменитостей, но и все обосновавшиеся в стране резидентуры. И особенно наша. До тех пор пока пионеры космоса не отбыли в Нью-Йорк, разведки и контрразведки вместе с Федеральным управлением безопасности Мексики пребывали в состоянии повышенной готовности. Подобного рода ажиотаж повторился спустя пять лет, в период XIX Олимпийских игр, а потом, двумя годами позже, во время Чемпионата мира по футболу в Мехико.

Работая в тех краях, Олег Максимович опекал огромное количество туристических групп, делегаций и творческих коллективов. А ведь были и такие сферы деятельности, говорить о которых ещё не настало время. А может быть, никогда не настанет...

Существует мнение: мир разведки представляет собой театр невиданного масштаба, в котором разыгрываются все существующие жанры — от буффонад до трагедий. Постановки этого театра одновременно проходят фактически на всех континентах. Чаще всего актёры, родившиеся в одной стране, на протяжении всей жизни исполняют свои роли в разных государствах. Они, как, впрочем, и драматурги, режиссёры-

Семейство «русского шпиона» отдыхает на природе в Мексике

постановщики, редко приобретают известность. А имена тех, кто готовит реквизит, наносит грим и создаёт спецэффекты, вообще не становятся достоянием гласности.

Летом 1965 года на мексиканских подмостках завершился первый акт спектакля с участием Олега Нечипоренко. В августе тот, кто в разработках ЦРУ проходил под псевдонимом «Нечи» и был для американцев сродни кости в горле, передал дела сменщику и отбыл на родину.

Акт второй, заключительный

В Москве он приступил к работе в отделе, курировавшем по линии контрразведки деятельность советских резидентур в Латинской Америке. И в 1967 году уже занимал должность его руководителя. Именно тогда шифротелеграмма из Мексики заставила изрядно понервничать. Резидент сообщал: представители ЦРУ вышли с предложением вербовочного характера на одного из его подчинённых. Он также доложил

Рудольф Абель

полковника Вильяма Фишера, известного большинству из нас под именем Рудольф Абель, был пронзительно-кристальным, но в нём сквозила какая-то потаённая грусть. Кивнув в знак согласия, он снова опустил голову. Казалось, разведчик не выходил из своих раздумий даже в обеденный перерыв.

Это было первое и единственное общение с «живым экспонатом», как на склоне лет шутливо называл себя в узком кругу герой на все времена...

Однажды шеф латиноамериканского отдела вызвал меня в свой кабинет. Там, кроме него, присутствовал ветеран, долго работавший в Южной Америке. Начальник сказал, что мне доверено ответственное поручение — опекать человека, не так давно вернувшегося из-за рубежа. Нужно было помочь ему адаптироваться к жизни в СССР, в обустройстве и решении разного рода бытовых задач. При этом разговоров о прошлом не заводить ни в коем случае!

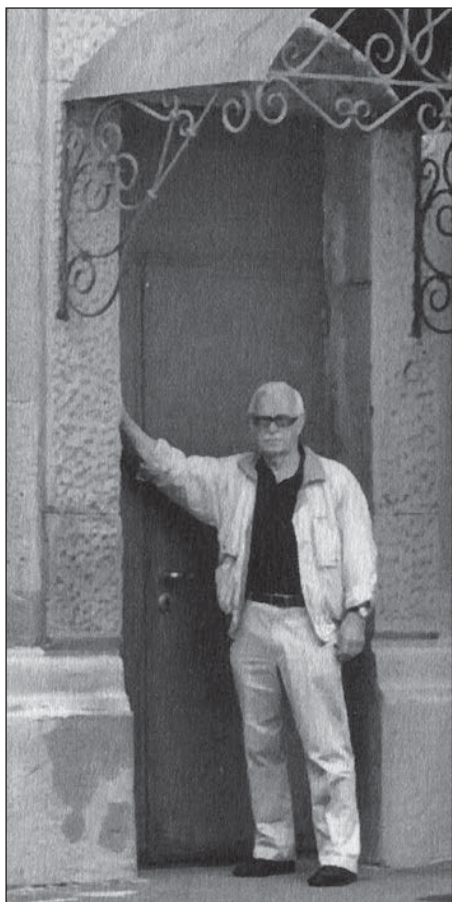
Ветеран — будем называть его так — объяснил, что речь идёт о Рамоне Меркадере, проходившем у нас под

псевдонимом «Гном», — об агенте советской разведки, который в августе 1940 года ликвидировал Льва Троцкого. Схваченный и осуждённый за убийство на двадцать лет, он отсидел в мексиканской тюрьме «от звонка до звонка».

В описываемый период даже речи не могло быть о причастности СССР к давней, но весьма громкой акции. Имена её разработчиков знал ограниченный круг лиц, и я понимал, что мне — разведчику без году неделя — оказали серьёзное доверие, впусив в клуб избранных. Так на некоторое время я стал «нянькой» бывшего агента НКВД.

В течение нескольких месяцев нашего общения Меркадер был немногословен. Обычно наши разговоры касались бытовых тем. Тем не менее я старался быть максимально внимательным к словам собеседника. Помню, всё время не отпускало ощущение, что он живёт как бы в двух измерениях: присутствует в сегодняшнем дне, а мыслями — в далёком прошлом. Даже в голову не приходило, что его могут терзать раздумья о добре и зле, общечеловеческих моральных ценностях, о праведности своей роли в истории. В Рамоне Меркадере я видел образец исполнения долга и высочайшей стойкости, поскольку после ареста в течение долгих лет заключения он так и не дал прямых доказательств причастности к нашей службе.

Когда моя подготовка к отъезду в Мехико вступила в завершающую стадию, «Гнома» передали другому оперативнику. Простились мы тепло и расстались навсегда.

У двери когда-то конспиративной квартиры. Здесь его уже не ждут

о том, что проведён анализ обстановки, начата контригра, и просил, чтобы в случае нежелательного развития событий командование прислало того, кто мог бы оперативно заменить надёжнейшего по всем позициям товарища, попавшего в сферу внимания американцев.

В те годы реакция руководства на вербовочные предложения была однозначной: срочный отзыв сотрудника с последующим разбирательством. Для наших противников такое развитие событий не являлось тайной и шло им на пользу: в отношении набившего оскмину профессионала они в удобное время могли организовать провокацию в виде имитации приглашения к сотрудничеству. И тем самым удалить его с глаз долой, приложив минимум усилий. До поры до времени этот приём срабатывал безотказно. Мало того, что разведчик выбывал «за игровое поле», так ещё и создавались трудности его преемнику: становилась расшифрованной должность прикрытия и новому оперативнику приходилось адаптироваться далеко не в идеальных условиях. На это уходило много времени, а значит, ослаблялась работа резидентуры...

После внимательного изучения возникшей ситуации Нечипоренко приказали готовиться к десантированию на знакомый плацдарм — в Мексику. Торопиться не стали. Срочной

эвакуации сотрудника советского посольства не потребовалось, поскольку намерения заокеанских коллег были разгаданы. А кроме того, настало время, когда к сотворению соперниками «двойных агентов» наконец-то стали относиться адекватно. Только спустя семь месяцев Олег Максимович принял пост второго секретаря посольства в Мехико, а чуть позже — заведующего консульским отделом.

Итальянская поговорка предостерегает: «Никогда не возвращайся туда, где ты был счастлив». К сожалению, воспользоваться столь ценным советом не всегда возможно.

Сотрудники посольств и торгпредств, выполнявшие не свойственные основной профессии функции, рано или поздно становились известны спецслужбам враждебной стороны. Не дремала и наша разведка, вовремя выравнивая баланс сил. До той поры, пока деятельность отмеченных персон не становилась угрожающе результативной, их просто держали на карандаше. О том, какой дипломатией занимался Нечипоренко начиная с 1961 года и насколько в этом преуспел, американская разведка была в курсе. Почти с первых лет пребывания в Мексике он являлся объектом вербовочной разработки. Причём, как оказалось, абсолютно бесперспективным. А это — своего рода вызов! Разумеется,

«Космические пришельцы» из загадочного СССР

В октябре 1963 года, как только стало известно о скором прибытии в Мексику Юрия Гагарина и Валентины Терешковой, жизнь в посольстве забила ключом. Дети разучивали песни и стихи. Женщины прихорашивались и обновляли наряды. Мы же думали о том, как обеспечить безопасность покорителей космоса.

Мексиканцы выделили для охраны делегации несколько сотрудников Федерального управления безопасности. В день прилёта — 11 октября — нам добавили ещё слушателей полицейской академии. Их выстроили так, что из бравых парней образовался живой коридор через весь общий зал — от входа со стороны взлётно-посадочного поля до выхода к автостоянке.

В помещение аэропорта стекался народ, у выхода на лётное поле скапливались журналисты радио, телевидения, газет, журналов. Появились официальные представители мексиканского правительства, наш посол.

После того как Ил-18 коснулся колёсами бетона посадочной полосы и стал подруливать к выделенной для него стоянке, толпа стала сжиматься, как под воздействием пресса. Чтобы главных встречающих не оттеснили, мы, сцепившись руками, отделили их от бурлящего людского моря и приняли напор своими спинами.

Когда улыбающиеся «космические пришельцы» из загадочного СССР показались в дверном проёме и стали спускаться по трапу, толпа взорвалась единым громогласным приветствием

С Валентиной Терешковой в аэропорту

и аплодисментами; в сторону героев полетели букеты цветов. С невероятным трудом нам удалось замкнуть оцепление и начать движение к зданию аэропорта.

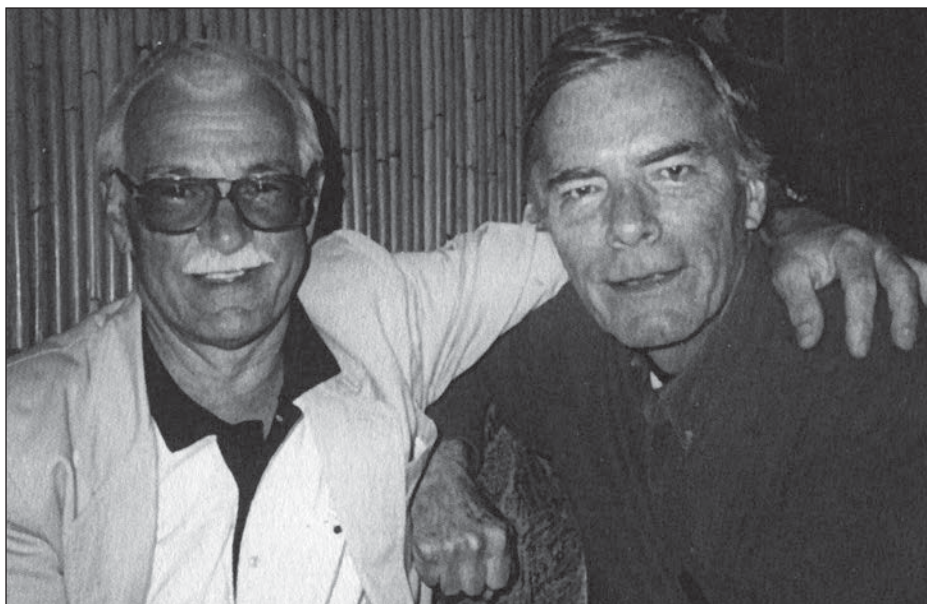
В зале прилёта, когда Гагарин с Терешковой расписывались в книге почётных гостей при непрерывном сверкании фотовспышек, о том, чтобы разомкнуть «кольцо», даже речи не велось. А расчёт на помощь слушателей полицейской академии в помещении аэропорта не оправдался: стражи порядка были сметены встречающими и растворились в общей массе. Так что расстояние до автомобилей пришлось преодолевать с усилием. Не успели выскочить под открытое небо, как позади раздался звук бьющихся стёкол и громкие крики: стеклянные стены и двери не смогли устоять перед людским потоком.

его «повторный заход» посчитали вершинной наглости и приготовились наказывать. Ждали лишь удобного момента, и в 1970 году он впервые представился.

В феврале у мексиканских властей попросила политического убежища одна из наших соотечественниц, занимавшая по штатному расписанию в советской торговой миссии должность секретаря-машинистки. Мотивы такого поступка были сугубо личными, но легче от того не стало: кандидатке в невозвращенцы были известны имена и должности сотрудников торгпредства. Разумеется, к ней тут же проявило интерес ЦРУ. Выжата из беглянки информация дополнила сведения о сотрудниках, принадлежность которых к внешней разведке СССР и без того не вызывала сомнений.

Решение предать полученные сведения огласке, чтобы избавиться от конкурентов, в числе которых под номером один значился «офицер безопасности КГБ в Мексике» Олег Нечипоренко, приняли незамедлительно. А дальше, как говорится, дело техники. Организовали пресс-конференцию корреспондентам столичных СМИ, рассказали сочинённую историю о том, что он якобы является главным зачинщиком студенческих беспорядков в Мехико, случившихся в 1968 году.

Удар был рассчитан неплохо. Успешно защищая по консульской линии советских граждан, попавших в разно-

На встрече с Филиппом Эйджи, бывшим сотрудником ЦРУ США: соперничество позади. Гамбург. 1997 год

го рода чрезвычайные происшествия, Олег Максимович в высшей степени досадил мексиканским властям. А тут — свидетельство прямого вмешательства во внутренние дела государства! Однако, как ни странно, ожидаемого эффекта не было: пресса пошумела пару дней и затихла. Оппоненты остались ни с чем, но спустя год им выпал ещё один шанс.

В курортном городке с красивым названием Куэрनावака, что на языке местных индейцев означает «окружённый деревьями», функционировали исследовательские центры в области гуманитарных дисциплин. При них были открыты академии и летние школы для студентов из США, предпочитавших своё свободное время посвящать изучению испанского

Дав космонавтам разместиться в предназначенной для них машине, мы «посадили» туда же и посла, просто перевалив его через борт. А как только кабриолет сдвинулся с места, сразу прыгнули в него и пристроились на бортах, прикрывая гостей от молодых ребят, на бегу пытавшихся пожать знаменитостям руки: ещё не хватало, чтобы кто-то из бестолковых энтузиастов оказался под колёсами. Помню, весь этот ад сопровождался зажигательными мексиканскими мелодиями.

Мы вздохнули свободно лишь в тот момент, когда оказались на территории родного посольства. Расслабившись, уже с юмором стали обмениваться впечатлениями и подсчитывать потери. У меня на одном ботинке не хватало каблука, приятель не до считался дорогих наручных часов, у кого-то из мексиканских коллег увели кошелек. И все как один потирали спины — им основательно досталось. А руки и лица выглядели так, словно их на совесть подрали кошки. Как известно, розы имеют шипы. А приветственные букеты, лавиной летевшие в нашу сторону, почти целиком состояли из этих ароматных красавиц...

Победа соперников как высший балл... моей деятельности

О том, что американцы давно уже точат на меня зубы, я был прекрасно осведомлён. А в том, что они предпримут всё, чтобы изгнать из Мексики русского шпиона, был просто

уверен. Мало того что я оказался, по их оценкам, абсолютно не вербуемым, так ещё и умудрялся многие операции проводить буквально у них под носом. Чего только стоили два проникновения в их посольство.

Однажды я пришёл туда под видом просителя визы и в течение нескольких часов собирал нужную информацию. Когда спохватились, ловить меня было уже поздно. Об этом визите им стало известно, и уж если он задел за живое, то я даже не представляю, какие бы пакости они учинили, чтобы покончить с другой, который парни из ЦРУ вообще проворонили.

В 1964 году в наш отдел поступило три именных приглашения на приём по случаю официального открытия в Мехико нового здания посольства США. Ну как, скажите, можно было отказать?

Как только собралось большое количество гостей, началась экскурсия по этажам с осмотром внутренних помещений. Мы с коллегой, разумеется, оказались в первых рядах, чтобы приблизиться к группе конгрессменов, прибывших из Вашингтона, к сопровождавшим их дипломатам и ребятам из охраны. Когда почётным гостям предложили подняться на верхние этажи, мы «случайно» присоединились к их группе. Нас провели через канцелярию посла, а потом пригласили в его кабинет. Конгрессмены стали задавать вопросы, сопровождавшие — давать пояснения. А мы подошли к столу, стоящему посреди кабинета. Я сел в кресло. Когда ещё представится возможность сотруднику КГБ обосноваться за рабочим столом американского посла в Мексике? Скорее всего, уже никогда!

Нам было доподлинно известно, что политический отдел является прикрытием резидентуры ЦРУ, но увидеть, где и что

языка. Великолепный контингент для возможной вербовки! В молодёжной среде можно вычислить и так называемых перспективных агентов — тех, кто в дальнейшем сможет занять места в высших эшелонах власти, а также в ФБР и ЦРУ.

В начале марта 1971 года сотрудники резидентуры, в числе которых был и Нечипоренко, по приезду в Куэрнаваку увидели расклеенные на стендах газеты с многочисленными фотографиями на первых полосах и огромного размера заголовками. Из прочитанного стало ясно: мексиканская полиция разгромила экстремистскую организацию «Движение революционного действия», цель которой — свержение мексиканского правительства. Перечисление терактов, проведённых революционерами, было богато иллюстрировано фотографиями боевиков и изъятого у них оружия. А в комментариях подчёркивалось: главарь группировки, некогда студенты Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы в Москве, специальную подготовку проходили в тренировочных лагерях на территории Северной Кореи. В том, что для советского посольства настали тяжёлые времена, можно было не сомневаться: чтобы угодить американским друзьям, мексиканские спецслужбы с радостью причислят к руководителям революционного движения всех, на кого им укажут.

Через день после сенсационных событий в вечерних новостях появилось сообщение: «Сегодня министром иностранных дел Эмилио Рабасой был вызван господин Дмитрий Дьяконов, советник-посланник и временный поверенный в делах Союза Советских Социалистических Республик. Министр иностранных дел сообщил, что сам г-н Дьяконов и г-да... являются персонами, чьё присутствие

Подмосковье. 2018 год

нежелательно и неприемлемо в Мексиканской Республике. Вследствие этого правительство Мексики желает, чтобы они покинули национальную территорию в ближайшее время». Неудобными в стране с точки зрения ЦРУ стали пять сотрудников дипломатической миссии, в числе которых, естественно, оказался и Олег Максимович Нечипоренко.

21 марта 1971 года те, кого назначили персонами нон-грата, вылетели рейсом бельгийской авиакомпании «Сабена» в Брюссель, а оттуда — в Москву.

* * *

Так завершился этап длительных зарубежных командировок нашего героя. До выхода в отставку Олег Нечипоренко

успел посетить ещё многие страны мира в коротких служебных поездках с иными задачами. Но до сих пор он с особой теплотой вспоминает годы упорной борьбы на неафишируемом фронте. Именно так, а не «невидимым», как это принято в народе, называют его многие разведчики. Они видят, чувствуют друг друга и находятся в состоянии непрерывного соперничества. Фронт скрыт от глаз общественности, но для противостоящих сил он может стать невидимым, только если нет борьбы. А такого в мире спецслужб не бывает!

Фото автора и из личного архива
Олега НЕЧИПОРЕНКО.

находится, к сожалению, не удалось: у двери в коридор дежурил крепкий парень с каменным лицом.

Завершив экскурсию, мы вместе с конгрессменами спустились в бельэтаж, где проходил приём, выпили по коктейлю за гостеприимство хозяев и с толком потраченное время. А потом, поблагодарив президента консульской ассоциации за приглашение, с чувством исполненного долга покинули здание.

Вскоре в Центр был отправлен подробный отчёт обо всём увиденном на «объекте № 1» с приложением схем, поэтажного плана, посольских буклетов, великолепных цветных фотографий помещений и прочей весьма полезной информацией...

Избавившись от меня, американцы на достигнутом не успокоились, а продолжали азартно швырять вдогонку «разоблачения», подавая их в таком виде, что Джеймс Бонд с Нечипоренко и рядом не стоял. Моё пересечение с Ли Харви Освальдом, случившееся в сентябре 1963 года на территории посольства в Мексике, раскрутили так, что я стал едва ли не одним из тех, кто готовил покушение на президента Кеннеди. Прошло лет

двадцать, казалось бы, все сроки вышли, так нет: историю моей беседы в 1973 году во Вьетнаме с одним из пленных американских офицеров представили в таком ракурсе, что я оказался участником допросов и пыток множества пленных «янки»... на территории СССР в 1978 году! Видимо, в своё время я не только наступил на мозоли оппонентам, но и ноги до хромоты оттоптал. Подобного рода вниманием к моей персоне, скорее всего, нужно гордиться, поскольку именно таким образом противостоящая сторона ставит разведчику высший балл его деятельности...

После 1971 года подолгу в зарубежных резидентурах я больше не работал. Но вот короткие служебные поездки в следующие 15 лет составили в общей сложности срок, равный одной длительной командировке. Я исколесил множество стран — от Ближнего Востока до Латинской Америки, от Европы до Юго-Восточной Азии. В Африке побывать не довелось. Ну, не судьба.

В мае 1991 года я вышел в отставку.

◀ Лесной
хоровод

▼ Молчаливая
колокольня.
Храм
в селе
Поречье

О Московского Дома пионеров, увлекался иллюстраци-
лег Нечипоренко в детстве посещал изостудию

ей. В период службы, в свободное время, изучал твор-
чество выдающихся художников. Когда ушёл в отставку,
появилась возможность вернуться к любимому занятию —
рисованию пастелью лирических уголков родной природы
в разные времена года.

Врата Рая. Женский монастырь в селе Аносино

